

acta rossica

Антология русской поэзии в Польше 1917-1945

---

*Я здесь чужой, я здесь дышу едва,
Во мне звучат напевы и слова
иных времен, иных миров безвестных...
Владимир Бранд*

Выпуск III

* * *

Лев Гомолицкий: Цветник. Дом.

Отпечатано в тысяча девятьсот тридцать шестом году в Таллине в количестве ста экземпляров. (22 с.) - J. & A. Paalmann'i trükk. Tallinn, V. Karja 12. 1936. а.

Подготовка текста © Андрей Р. Мохоля

Цветник

Предгрозовые электрические травы,
проводники господних сил.
О, острия упругие, вас черной лавой
эфир небесный раскалил.
Не травяная кровь зеленая, но искры
по вашим стеблям из корней
вверх устремляются, на остриях
повиснув,
слетают в знойный дух и вей.
В мир утоляющий реки войдя, корова,
из губ медлительных точка
по капле воду, пьет из голубого
предчувствие грозы, луча.
И вот, клубится ваше знойное дыханье,
из берегов земли растет
и дышет молнией и тяжкое бряцанье
гремит с дымящихся высот.
От молний рушатся деревья, тучи, дома,
горят дела людей, слова...
Так, став огнем, став дымом туч, став
громом,
колеблет мир земной трава.

***

На травах огненных земного ложа
опустошенный, оголенный лежа,
совлекшийся одежд, веков, религий,

израненный колючими стеблями,
весь раскаленный солнцем и ветрами,
расплавленными в огненном эфире,

я как бы слышал отзвуки глухие,
обрывки возгласа напевного из книги,
Богом распеваемой на пире...

И с той поры их звуки унесли
мой дух - внемли, мой смертный слух! -
- с земли.

Во сне по рощам облачным блуждаю,
оттуда вижу в дымке Гималаи -
огромный стол божественных пиров.
За ним гиганты в образе Богов.
Я узнаю в волнении оттуда
их облики: один, с улыбкой, - Будда,
он Иисусу книги подает
раскрытую, ее читает тот,
поет, раскачиваясь, заложив страницу.
За ним - нагнувшись, гладит голубицу
весь знойный Кришна. Дальше Ляотсе,
седой младенец, но внимают все
его смиренному молчанью. Различаю
я даже дымный силуэт Шаддая
в конце стола. Священный аромат
в мой сон восходит, в мой духовный сад.
Курятся мудростью нетленной Гималаи...

***

Закинув голову, ресницы опустив, -
да, тяжкие, как все века, ресницы, -
сквозь звездных бездн вскипающий прилив
пытаюсь вспомнить человечьи лица.

Я забываю даже имена
их мудростей, ошибок... их столетий.

Вы любите сидеть в саду, когда
играют возле на дорожках дети?

Из тьмы ночной иная тьма сейчас
возникнет: сон, и немотою нас
безчувственной разделит.
Называем
еще друг друга шопотом,
вздыхаем
волос и кожи запах золотой:
любовный мед, сгущенный тишиной.
Но дышат ребра, мерно округляясь.
Наш час родной
плывет,
дрожа, качаясь,
над
бездной
сна . . .

***

Наш чай безоблачный,
который пьем,
размешивая с утренним лучем,
над тенью уличной бездонной щели,
и за окном, на камне городском
напоминанье:
голос птиц и ели.
И белая тяжелая луна,
плывущая над пустотою сна,
касаясь краем каменным постели,
и в непрозрачной пустоте окна
прозрачные безвесные недели...

О, наш воздушный,
наш
непрочный дом,
где между дверью, зеркалом, окном,
ломаю руки, бродит жизнь со страхом,
стоит в окне, боясь взглянуть
назад...
и где идет идет вдоль стен
безшумным взмахом
нелиственный недвижный листопад.

***

Не научившись быть вполне земным,
я не умею быть еще жестоким.
Мои слова
оглушены высоким,
неуловимым, тающим как дым.

На этот кров,
наш тесный шаткий дом
не ринутся мои слова обвалом:
хотят светить прозрачным огнем,
возвышенным
в униженном и малом.
Горевшее то тускло,
то светло,
косноязычное от сновидений
тело,
ты никогда справляться не умело
с тем, что в тебе клубилось и росло.

***

С нечеловеческим тупым расчетом
стучать лопатой о песок замерзший,
стучать лопатой о чужую землю,
чтоб выбить из нее скупое право
на ночь бессонную -
на утомленный день,
от голода, отчаянья, надежды
пронзенный мелкой ненасытной
дрожью...

И вот,
блуждая в пустоте изгнания,
впадающей в пустыню мировую,
я ощутил великое томленье,
необоримую тоску - тоску усталых
по благостному дню отдохновенья.

Так бегства первый вынужденный
шаг
на борт спасительный чужого корабля
стал бегством духа из всемирной
стужи
Бесславному блаженству очага,
в домашнее натопленное небо.

Пусть говорят, что не из скудных
крошек
случайного и черствого даянья
насыпана походная землянка
скитальческой и безымянной жизни,
что из высоких музыкальных мыслей
возведено таинственное зданье,
в котором Дух великий обитает -

ДОМ

буквами написанный большими.

Адам, скиталец бесприютный - тело,
о, как же чаёт это прозябанье
простого деревянного уюта,
который ветер ледяной обходит, -
написанного с маленького д,
пусть шаткого, пусть временного
дома.

1933

Лев Гомолицкий

(*1903 Санкт-Петербург †1988 Варшава) - русский и польский писатель, литературный критик, график, журналист, публицист; в Польше с 1920 года, виднейший представитель русской эмиграционной поэзии в Польше, организатор и участник ряда литературных содружеств и кружков (Польша, Чехословакия), секретарь Союза русских писателей и журналистов в Польше, печатался с 1921 г.; поэтические сборники: Миниатюры (Варшава 1921), Дуновение (Варшава 1932), Цветник. Дом (Таллинн 1936), Сотом вечности (Варшава 1937), Притчи (Варшава 1938); книжные изд.: Об основах русской культуры. Достоевский и Толстой (Прешов-Чехословакия 1928), Арион (о русской поэзии в эмиграции, Париж 1939); другие произв.: поэма Варшава (Варшава 1934), Эмигрантская поэма (Таллинн 1936), баллада Ода смерти (Варшава 1937); в 1931 получил первую премию в литературном конкурсе Союза русских писателей и журналистов в Польше за сборник рассказов Ночные встречи (печатались в журнале Молва); сотрудник многих русских газет и журналов (Меч, За Свободу!, Новь, Содружества, Сполохи и др.), печатался в польской прессе на польском языке; участник Антологии русской поэзии в Польше, Сборнике русских поэтов в Польше, альманахах Якорь, Священная лира, Новь.